

Публикации аспирантов

УДК 81

Жукова М.Е.

Смоленский государственный университет

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ СЕМИОТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

M. Zhukova

Smolensk State University

LEGISLATIVE DISCOURSE AS AN OBJECT OF SEMIOTIC STUDY

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению основных компонентов знаковой системы законодательного дискурса. Законодательный дискурс, рассматриваемый с точки зрения семиотического подхода, представляет собой знаковую систему, являющуюся результатом взаимодействия законодательных текстов в пределах юридического институционального дискурса. Вследствие этого в законодательном дискурсе особую значимость приобретает его знаковая сущность – лингвокультурные коды, предполагающие набор различных языковых средств, реализованных в законодательных текстах и требующих специальной расшифровки.

Ключевые слова: семиотика, семиосфера, знак, дискурс, закон, интертекст.

Abstract. This article deals with the major components of the sign system of legislative discourse. The legislative discourse, viewed from the perspective of the semiotic approach is a sign system, which is the result of interaction of the texts within the legal institutional discourse. As a result, the sign essence of legislative discourse – linguistic and cultural codes gain special significance and suppose a set of different linguistic means, that are used in the legislative texts and that require special explanation.

Key words: semiotics, semiosphere, sign, discourse, law, intertext.

Проблематика восприятия правового текста не раз становилась объектом для анализа представителей разных научных дисциплин. Множественность толкований говорит о противоречивости и сложном характере данного феномена. Однако в начале XXI века особенно актуально изучение законодательного дискурса с позиций семиотики, поскольку проблематика восприятия / интерпретации текста в настоящее время затрагивает круг проблем, связанных с представлением текста как знака.

Семиотические аспекты исследования текста традиционно рассматриваются в качестве фундаментальных, «классических» вопросов лингвистики (Ч.С. Пирс, Р. Барт, У. Эко и др.). В этой связи изучение законодательных текстов как синтеза особых языковых и культурных знаков, своеобразных кодов, реализующихся в процессе междисциплинарной коммуникации, представляется вполне актуальным.

© Жукова М.Е., 2011.

Исходной предпосылкой для подобного анализа является понимание права как особой знаковой системы, состоящей из разного рода дискурсивных практик, входящих в состав единого семиотического пространства. Ю.М. Лотман называет это пространство семиосферой (по аналогии с биосферой В.И. Вернадского) – «только внутри такого пространства оказывается возможной реализация коммуникативных процессов и выработка новой информации», то есть вне его «невозможно само существование семиозиса» [5, с. 251].

Согласно структурно-семиотической концепции, дискурс понимается как семиотический процесс, реализующийся в различных видах речевых практик [8]. Вследствие этого в законодательном дискурсе особую значимость приобретает его знаковая сущность – лингвокультурные коды, наполненные особым конституентным смыслом. Очевидно, в силу этого тексты законов достаточно сложны для понимания.

Анализ законодательных текстов позволяет предположить, что сложный законодательный текст лишь на первый взгляд кажется однозначным, на самом же деле он нередко может быть объектом различных интерпретаций и толкований. Законодательный дискурс можно представить в виде непрерывного процесса конструирования знаков, каждый из которых приобретает новое наполнение благодаря совместной знаковой работе автора и реципиента. Таким образом, если использовать терминологию Ж. Бодрийяра, законодательный дискурс становится материалом для символического (или знакового) обмена между языковыми личностями.

Итак, понимание законодательного дискурса как процесса конструирования знаков позволяет рассматривать текст закона как совокупность различных кодов. Следовательно, основной языковой код законодательного дискурса предполагает определенный набор языковых и стилистических средств, реализующихся в законодательных текстах.

Особенность законодательного дискурса заключается в том, что его тексты не являются «чисто новыми», они опираются на предыдущие тексты разной юридической силы, воспроизводя тем самым фрагменты, заимствованные из правовой семиосферы, в которой функционируют и взаимодействуют различные дискурсы. Именно в этой связи законодательный дискурс становится объектом постмодернистской парадигмы и демонстрирует собой одну из наиболее ярких отличительных черт постмодернизма как литературного направления – интертекстуальность.

Понятие межтекстовых связей («схождений») как явления многопланового наметил еще в 1920-е годы Б.В. Томашевский [9, с. 210-213]. Тот факт, что в законодательном дискурсе внутренняя организация текстов предполагает обязательность ссылок – как внутритекстовых, так и межтекстовых, – позволяет с уверенностью утверждать, что законодательным текстам присуща интра-текстуальность и интертекстуальность, семиотическая рефлексия которой – в воспроизведении в межтекстовых связях одного и того же кода, благодаря чему эта связь понимается и обогащается новыми смыслами. Таким образом, в законодательном дискурсе интертекстуальность, предполагающая межтекстовую связь, становится семиотическим кодом, обеспечивающим интердискурсивное функционирование определенных семиотических систем, реализующихся в текстах.

Итак, в рамках семиотического подхода законодательный дискурс предстает как произведенная в рамках правовой семиосферы система законодательных текстов, находящихся в интертекстуальной взаимосвязи, являющейся семиотическим кодом, посредством которого обеспечивается выход дискурса в интердискурсивное пространство правовой семиосферы.

Каждый отдельный законодательный текст охвачен несколькими видами интертекстуальной связи. Пожалуй, самой эмблематической формой интертекстуальности

ти с полным правом можно назвать цитату, поскольку она позволяет непосредственно наблюдать, каким образом один текст включается в другой. Когнитивная специфика цитации связана с диалогичностью как универсальным свойством текстового воплощения познающего мышления.

В законодательном дискурсе цитаты могут быть развернутые, представляя собой включение целого отрезка текста, состоящего из одного или нескольких предложений, и неразвернутые, реализующиеся в виде одного слова или цифры. Наиболее часто цитация, отмеченная особым типографским кодом, представлена в текстах законов, вносящих изменения в уже действующие законы; в данной статье мы будем условно именовать их трансформирующими законами. Материальным проявлением разнородности текста является использование кавычек. На первый взгляд, включаясь в текст во всей своей простоте и очевидности, цитата сразу же бросается в глаза и не требует от читателя особой проницательности или эрудиции. Но это только видимость. Обнаружение цитаты происходит само собой, однако ее идентификация и интерпретация требуют как специальных, так и фоновых знаний.

Приведем пример из трансформирующего законодательного текста, поскольку именно в нем цитация наиболее частотна и представляет особенно репрезентативно

Статья 1

Внести в областной закон от 14 декабря 2004 года № 95-з «О мерах социальной поддержки ветеранов труда» (Вестник Смоленской областной Думы и Администрации Смоленской области, 2005, № 1, стр. 45) следующие изменения:

1) в статье 3:

часть 3 после слов «настоящей статьей,» дополнить словами «за исключением мер поддержки, предусмотренных пунктами 5 и 6 части 1 настоящей статьи,»;

дополнить частью 4 следующего содержания:

«4. Меры социальной поддержки ветеранов труда, предусмотренные пунктами 5 и

6 части 1 настоящей статьи, предоставляются в порядке и на условиях, установленных областным законом.»;

2) в статье 5.1 слова «исходя из уровня инфляции, устанавливаемого федеральным законом о федеральном бюджете» заменить словами «исходя из прогнозируемого в соответствующем финансовом году уровня инфляции».

Как видим, взятая из определенного текста-донора цитата переносится в текст-реципиент. Непосредственно выбор цитируемого текста, его объем и границы, способы монтажа, смысл, который она приобретает при введении в новый контекст, и т. п. – все это важнейшие компоненты смысла цитации. Безусловно, важно знать роль и функции интертекстом в тексте-доноре, из которого взята цитата, чтобы понять тот «рожденный» смысл сказанного, который появился в процессе преобразования текста-реципиента в новый текст. Кроме того, запас эрудиции реципиента необходим и для того, чтобы идентифицировать тексты, которые послужили источником нового сюжета, и для анализа их влияния на новый текст и тот круг предполагаемых правовых последствий, которые влечет новый смысл. Таким образом, межтекстовая компетенция реципиента является одним из ключей декодирования смысла текста и кодов правовой семисферы, т. е. интертекстом.

Одна из функций цитаты – быть авторитетной – в законодательном дискурсе имеет первостепенное значение, поскольку она, усиливая впечатление правдивости, верификации, придает тексту закона аутентичность. Включаясь в новый текст, цитата может полностью интергироваться в его тематику. Специфичность феномена трансформируемого законодательного текста в том, что трансформации может подвергаться и отделенный его сегмент (пункт, часть, статья, раздел). То есть в законодательном тексте изменяется (или из него исключается) определенный сегмент (структурная единица) посредством закрепившихся в законодательной практике речевых стереотипов, терминологических клише («внести в подпункт «г» пункта 2

части 3 статьи 3 закона изменение, дополнив его словами ...»; «внести в закон следующие изменения: пункт 3 после слов ... дополнить словами ... и т. п.»). Самый беглый взгляд на терминологию законодательного дискурса демонстрирует необходимость и целесообразность понимания его как закодированной системы. Безусловно, сведущему реципиенту, в отличие от несведущего, нет необходимости выяснять, что подразумевается под этими переплетениями текстов и с чем они связаны. Прецедентность активизировала соответствующие фреймовые структуры, содержащие свернутую информацию, закрепленную за определенными ссылками и цитациями, представляющими собой индексальные знаки. Фрагменты претекстов, оказываясь инкорпорированными в новый текст, приобретают в нем особенные, прежде не свойственные им смыслы. На пересечении «исходного» и «итогового» текстов, «донора» и «реципиента» рождается еще одна смысловая сфера, некий третий текст, непохожий на них и одновременно им соприродный. Именно этот интертекстуальный переход, образованный лексическими структурами, в процессе взаимодействия текстов и является интертекстом.

Таким образом, одним из важнейших категориальных свойств трансформирующего законодательного текста является его способность порождать новый смысл. Его смыслопорождающая способность обуславливается тем, что он состоит из элементов ранее произведенных текстов. В каждом новом контексте один и тот же интекст варьирует свой исходный смысл, обогащается новыми семами из других текстов.

Следующую эксплицитную форму интертекстуальности в законодательном дискурсе представляет ссылка-референция. К ней прибегают, когда требуется лишь отослать читателя к иному тексту, не приводя его дословно. В законодательном дискурсе это выражается в отсылке к определенной структурной единице текста-донора или же указанием его наименования или реквизитов, что предпо-

лагает узнаваемость источника. Референция выступает хранителем информации в максимально сжатом, спрессованном виде. Она может углублять, расширять определённые сведения или нести функцию дополнительной информации. Вся ткань законодательного дискурса сплетена из референтных нитей («на основании закона», «в соответствии со статьей 2 закона», «согласно части 1 закона» и т. д.). Чем больше законодательный текст или речь юриста пронизаны ссылками на авторитетный прецедент, тем большей презумпцией истинности они обладают, тем они убедительнее. Из этого следует, что основная роль референции в законодательном дискурсе – установление правовой истинности определённого утверждения посредством ссылки на непререкаемый авторитет. Данное понятие можно соотнести с термином «верификация» [7]. Истинность, или верификация, в законодательном дискурсе связана с соответствием сообщаемой информации реальности, фактам с опорой на непререкаемый авторитет – «палимпсест», конституционный текст – архетипические и стереотипные концепты. Архетипы и стереотипы составляют константную или малоизменяемую часть концептов правовой семиосферы. Таким образом, истинность текстов законодательного дискурса определяется соответствием их содержательного и идейного наполнения стереотипам и архетипам лингвокультурной и правовой общности и верифицируется посредством цитаций и референций конституционного и кодификационных текстов. В силу специфичности законодательного дискурса аргументативность в нём предстает как персуазивность (от англ. Persuasion – «уговаривание, убеждение»; persuasiveness – «убедительность»), которая предполагает использование дополнительных риторических приемов и средств, способствующих убеждению. Как отмечает Н. А. Безменова, для персуазивного дискурса характерно наличие разнообразных «риторических фигур», которые представляют собой способ «рельефного изображения ар-

гумента» и влекут за собой некоторое «изменение перспективы высказывания в коммуникативной ситуации» [3].

В законодательном дискурсе подобными риторическими фигурами предстают ссылки на авторитет с интенцией обоснования, подтверждения правильности своего суждения, мнения. В этом случае используются лексические маркеры «в соответствии», «согласно» определённому авторитетному источнику – закону или его структурной единице – и ссылка с маркером «на основании», то есть на основании прецедентных текстов, феноменов. Новые правовые отношения выстраиваются на отношениях, уже урегулированных конституционным и кодификационными текстами. За каждым из этих кодов «незримо» присутствует прецедентная ситуация, являющаяся прототипом описываемого правового события, с использованием определенных кодов. Ситуация-прототип соответствует определённому стереотипу ее описания.

Подобно тому, как разные тексты взаимодействуют посредством интертекстуальных связей, фрагменты внутри одного текста также связаны между собой (например, *«меры социальной поддержки устанавливаются статьей 2 настоящего закона»; граждане, указанные в части первой статьи 2 Федерального закона...»*).

Бесконечные ссылки от одного текста к другому достаточно сложны для восприятия несведущим реципиентом, поскольку в одном тексте могут присутствовать не только внутренние ссылки, но и осуществляться сцепление данного текста со всей совокупностью других текстов юридического дискурса; интертекст непосредственно вводит читателя в пространство правовой семиосферы, где все они, соприкасаясь друг с другом, порождают новые смыслы. Для их интерпретации необходима и особая техника прочтения. Квалифицированному реципиенту нет необходимости нарушать линейность прочтения путем следования какой-либо из ссылок, нет необходимости выяснять, что подразумевается под юридическим термином, что представляют

собой индексальные знаки: данная информация уже присутствует в когнитивной базе реципиента-профессионала в свернутом виде, а потому уже нет необходимости следовать данным ссылкам.

Интересно отметить, что апеллирование к авторитету в законодательных текстах проявляется и в особенностях паралингвистического характера, а именно в метаграфемике (невербальных средствах письменной речи) – в тенденции избегания аббревиатур, использования, вопреки правилам русского языка, прописных букв, которая оказывается семиотически и мотивационно-прагматически обусловленной стремлением обозначить особую значимость, некое особое отношение, что также можно рассматривать как семиотический процесс.

Следующим кодом интертекстуальных включений, представленных в законодательном дискурсе, будет интертекст-плагиат. Если цитата относится к сфере эксплицитной интертекстуальности, то интертекст-плагиат связана с интертекстуальностью имплицитной, поэтому краткое определение может выглядеть следующим образом: плагиат – это немаркированная цитация, заимствование без указания на источник заимствования. Традиционно плагиаторство расценивается как посягательство на литературную собственность. Однако в законодательном дискурсе плагиат – это абсолютно естественное явление, поскольку имеет свою специфику. Специфика законодательного плагиаторства состоит в дублировании сегментов прецедентных законодательных текстов. Более того, если авторы текстов определенных дискурсов не всегда стремятся к узнаваемости цитаций, то в законодательном дискурсе плагиат, ссылка на авторитетный прецедент большей юридической силы – это неперемное условие его существования и защита от признания закона недействительным, поскольку только соответствие с конституционным текстом и текстами федеральных законов может противостоять неподобителю судебному решению и акту

прокурорского реагирования. Причём не только тексты, но и юридическая речь изобилует ссылками на авторитетный прецедент. В этом особенность феномена плагиата в законодательном дискурсе: он теряет свою каноническую семантику «контрафактного продукта» и обретает свойства верификации и персуазивности.

Как видим, специфичность законодательного дискурса обуславливает и специфику цитаций, референций, плагиата – то есть интертекстем в законодательном дискурсе.

Таким образом, одна из важнейших функций законодательного текста – быть достоверным – реализуется посредством кодов-интертекстем. В законодательном дискурсе указанные знаки выполняют функции верификации и персуазивности законодательных норм.

Еще одним важным и интересным явлением межтекстовой связи является аллюзия. Аллюзия может быть сравнима с цитатой, но на совершенно иных основаниях, она имплицитна и лишена буквальности, поэтому представляется чем-то более метафоричным и деликатным. «Цитата в собственном смысле слова свидетельствует лишь о поверхностной и заурядной эрудированности; удачная же аллюзия иногда несет на себе печать гения» [11]. Феномен аллюзии в законодательном дискурсе помогает постичь специфику законотворческого мышления, сопоставить норму закона с ситуацией, уже описанной и урегулированной прецедентным текстом. В свою очередь сведущий читатель посредством аллюзии выстраивает ассоциативный ряд в контексте социокультурного пространства и интерпретирует в соответствии с ним необходимую норму закона. За каждым законодательным текстом стоит правовая реальность, постичь которую, будучи оторванным от этой реальности, не представляется возможным. Читателю нужны аргументы, смысл текста он может постичь на основании чего-то знакомого, поддающегося фиксации, поэтому понимание текста требует от него погружения в конкретный правовой климат,

семиосферу, обеспечивающую правовую и культурную преемственность.

Таким образом, адекватное восприятие законодательных текстов возможно только в дискурсе, с учетом как специальных, так и фоновых знаний, включающих такие коды интертекстуальности, как цитация, ссылка-референция, аллюзия, плагиат и т. д.

Проведенное исследование показывает, что эти интертексты в законодательном дискурсе выполняют функции верификации и персуазивности, а также парольную (Нахимова Е.А.) функцию, то есть эти коды играют еще и важную роль идентификации по схеме «свой/чужой» в семиотическом пространстве институционального юридического дискурса. Ими задается не только система понятий, концептов и условных обозначений, необходимых для осуществления когнитивных и коммуникативных задач, на них лежит также ментально-вербальная функция сохранения корпоративной культуры и внушения непосвященным в тайны его смыслов некоего «сакрального трепета».

В данной статье рассмотрены лишь некоторые, наиболее явные, компоненты знаковой системы законодательного дискурса, представляя которые, автор исходил из потребности эксплицировать факторы, способствующие пониманию законодательных текстов, а также повышению предсказуемости подобного понимания как одной из форм управления рефлексией. В этой связи представляется уместным обратиться к словам автора фундаментального исследования в области анализа правового знания на уровне философской методологии И.Н. Грязина: «... Право, как и культура, необходимо обладает знаковой формой, выраженной в определенном языке» [4, с. 29].

Изучение текстов законодательного дискурса, репрезентирующих специальные знания различных отраслей права, то есть соответствующие коды, требует осознанного понимания, по меньшей мере, внетекстового профессионального пространства, послужившего прецедентом или архетипом законодательного текста.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – 424 с.
2. Беляев А.А. Эстетика: Словарь. – М., 1989. – 447 с.
3. Безменова Н.А. Очерки по теории и истории риторики. – М.: ИНИОН, 1991. – 251 с.
4. Грязин И.Н. Текст права: Опыт методологического анализа конкурирующих теорий. – Таллин: Изд-во Ээсти Раамат, 1983. – 188 с.
5. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПБ, 2000. – 704 с.
6. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. – Екатеринбург, 2007. – 207 с.
7. Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. – Мн.: Книжный Дом, 2003. – 1280 с.
8. Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. – М.: Логос, 2000. – 448 с.
9. Томашевский Б.В. Пушкин - читатель французских поэтов // Пушкинский сборник памяти С.Л. Венгерова. – М., Пг., 1923. – С. 210-213.
10. Христенко И.С. К истории термина «аллюзия» // Вестник Московского ун-та. Серия 9. Филология. – 1992. – № 4. – С.38-44.
11. Nodier Ch. Questions de litterature legale. Paris: Crapelet, 1828.